

Анатолий Гусев

16+

Восстание Ника

Анатолий Алексеевич Гусев
Восстание Ника.
Η ἐξέγερση Νικα

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34106890

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11860-7

Аннотация

Недовольные притеснениями императора Юстиниана и несправедливыми налогами жители Константинополя поднимают восстание. Оно вошло в историю как самое кровавое восстание раннего средневековья, под названием «Восстание Ника».

Содержание

1	5
2	18
3	27
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анатолий Гусев
Восстание Ника.
Ἡ ἐξέγερση Νικα

1

В городе Константина, который сам Константин назвал Новым Римом, вытянулся с северо-востока на юго-запад огромной удлинённой подковой, каменный исполин, красавец-ипподром. Это сердце Нового Рима.

Нет, это было, конечно, не святое место. Как оно может быть святым в городе, который заменил собой не только Старый Рим, но и Иерусалим. Именно за его стенами укроются праведники, именно через его Золотые Ворота войдёт Иисус Христос, когда наступит конец света.

Нет, это было не святое место. Для церкви. Но не для поданных империи, которую они называли Василия Ромеон, а себя ромеями, то есть римлянами, хотя и говорили по-гречески и императора тоже называли по-гречески – василевс.

Ипподром не только место для зрелищ, хотя и зрелища имели место быть, и у всех на ипподроме было своё место, даже у иудеев. Здесь знакомились с нужными людьми, заключались сделки, здесь отцы договаривались о женитьбы детей, здесь оглашались императорские указы, здесь императоры мирились с подданными, здесь проходили торжества (триумфы) после победы над врагом, здесь кипела жизнь Города и всей Империи.

Император не считается императором, пока его не увенчают диадемой на ипподроме. Император может быть объяв-

лен императором где угодно: во дворце, в храме, среди гор у реки. Но объявленный император – ещё не император, пока он не доберётся до Города, до его сердца, до ипподрома и там его облачат в императорскую одежду и на его голову возложат золотую диадему василевсов на глазах у народа. Вот после этого он становится настоящим, подлинным императором.

В восточную стену ипподрома врезалась кафисма – императорская ложа. Именно с неё объявлялись указы, и именно с неё показывался подданным император-василевс. Император стоял в четырёхугольнике между колоннами и кровлей, под квадригой золотых коней, на фоне голубого неба. А если по небу плыли облака, то казалось, и василевс плыл в божественной ауре.

Кафисма являлось продолжением Большого Дворца, который прилегал к ипподрому, но с самим ипподромом не соединялась никак. Она возвышалась над трибунами ипподрома. Ближе к западной стене кафисмы стоял беломраморный трон императора, занимая сидения для приближённых. Василевс видел всё, его не видел никто. Только одна лестница от ристалища подходила к ложу василевса и заканчивалась решетчатой двустворчатой дверью. Вернее лестница упиралась в стену в пол человеческого роста, а на стене уже находилась дверь. Раньше она служила для увенчания венком победителя от императора, потом стала служить для общения василевса с подданными в экстренных случаях.

Ещё со времён Старого Рима болельщики были разделены на две партии. Первоначально – на красную, посвящённую богу Марсу и на белую, посвящённую Зефиру – богу ветра. Со временем из красной партии выделилась партия зелёных, посвящённая Матери Земли, а из белых – партия синих, посвящённая морю. Постепенно основными партия болельщиков сделались зелёные и синие. Причём в партии синих в

основном состояли патриции, а в партии зелёных – плебеи. В таком виде они и были перенесены в Новый Рим, где эти партии называли димами: дим прасинов(зелёные) и дим венетов(синих) и, конечно же, остались руосии(красные) и левки(белые).

Но если патриции и в городе Константина по-прежнему представляли собой военную и земледельческую аристократию, то плебеи в Новом Риме значительно изменились. Теперь это уже не нищие, но гордые и свободные граждане Рима, искренне призирающие всякий труд, считая его уделом рабов и требуя только хлеба и зрелищ, это уже ремесленники, владельцы мастерских, судовладельцы, оптовые торговцы, аргиропраты (ростовщики и банкиры в одном лице), преуспевающие и не очень юристы, учителя, врачи. И беднота тоже имела место быть, причём во всех партиях. Теперь прасины в целом являлись самыми богатыми димами Империи. Они могли купить всю партию венетов как оптом, так и в розницу!

Императоры Византии поддерживали разные партии ипподрома. Но всегда эта поддержка была символической. Приятно осознавать, что ты и твой василевс болеете за одну и ту же команду. И вражда между димотами была всегда: брат шёл на брата, отец на сына и, даже, жена на мужа, невзирая на то, что женщин на ипподром не пускали, кроме императрицы и её свиты, разумеется.

Молодёжь венетов и прасинов, называемая стасиотами (в

начале, это посетители кружков по военной подготовки), всегда дралась между собой после скачек. Но это не доходило до ненависти. После драки, стасиоты венетов и прасинов, обнявшись, могли зайти в первую попавшуюся таверну и там до утра пить вино, горланить песни и хвастать друг перед другом своими подвигами.

Всё изменилось при василевсе Юстиниане, прозванном(и не без основания) Великим. Юстиниан был одарён изобретательным и коварным умом, неутомимый в исполнении своих намерений, а намерения у него были простые: возродить былую Римскую империю. И это у него почти получилось: две трети земель бывшей Римской империи со временем оказались во власти Константинополя. Его империя простиралась от гор Кавказа и Палестины до Гибралтарского пролива, включая восточные берега Испании. Только варварские королевства Европы не подчинялись Константинополю.

Василевс всё своё правление воевал и строил, строил и воевал. И на это нужны были деньги, особенно в самом начале. Лично самому автократу, то есть самодержцу, как он себя сам называл, ничего не надо было. Всё на благо государства! Сначала Юстиниан выжимал деньги из своих подданных налогами, а потом стал ещё и просто отбирать имущество у богатых, под самыми разными, иногда даже нелепыми, предлогами. А самыми богатыми из его подданных были прасины. И Юстиниан стал покровительствовать венетам.

Суды безропотно выносили несправедливые решения, ка-

сающиеся прасинов, в пользу государства, обогащая казну и не забывая себя.

Воспользовавшись этим обстоятельством, стасиоты венетов начали нападать и грабить сначала прасинов, а потом вообще всех, кто имел несчастье попасться им на глаза или на кого им указали, проплатив нападение. Они перестали бриться, отрастили растительность на лице, наподобие персов, но побрили голову, оставив сзади, на затылке лошадиный хвост – такую причёску носили гунны, а в складках одежды прятали кинжалы. Нападать, грабить и насиловать стали, не стесняясь, и днём.

Власти молчали и винили во всём прасинов.

Прасин Аврикий Исихос, владелец хлебопекарен и оптовый торговец муки и зерна, со своей женой Каллистой из бухты Буколеон направился в своё имение, расположенное на азиатской стороне Босфора. На свою беду в проливе они повстречали лодку со стасиотами из венетов. Лодка Аврикия была ограблена и, в довершение всего, молодые люди предложили его жене, женщине достаточно ещё молодой и красивой, перейти на их лодку. Протестовать было бесполезно. Наглая молодёжь только потешалась и издевалась над Аврикием.

Каллиста встала со своего места и сказала:

– Муж мой, будь спокоен. Их руки не осквернят моего тела и не нанесут тебе оскорблений!

Она решительно направилась к лодке венетов, перешла на

неё и, пока стасиоты кривлялись, строили рожи, насмехаясь над Аврикием, подошла к другому борту и бросилась в море. Её тело так и не нашли. Аврикий на пятый день умер от горя.

Власти города обвинили Аврикия и его жену, задним числом в тайном язычестве и конфисковали в пользу государства все хлебопекарни и склады Аврикия, а так же все его имения и прочее имущество. Все его работникий, главное, наследники навсегда прикреплялись к когда-то своим собственным хлебопекарням без права когда-либо покинуть их. Это же касалось и их потомков.

Дочь Аврикия, шестнадцатилетняя красавица Элпис в одночасье из богатой невесты превратилась в бесприданницу.

Аврикий вёл совместные дела вместе с богатым судовладельцем Зеноном Ситосом. Зенон, один из старшин прасинов, это сорокапятилетний мужчина, черноволосый, со смуглым волевым лицом. Лет пятнадцать назад, через год, после рождения дочери, Аврикий договорился выдать её замуж за сына Зенона Костаса. А год назад молодые люди встретились и очень понравились друг другу к великому удовольствию своих родителей.

И вот после свалившегося на голову девушке несчастья, Зенон приютил дочь своего друга и компаньона у себя в доме.

А вскоре в дом Зенона заявился спафарий Калоподий со своими воинами и сообщил, что участились нападения на венетов и есть подозрения, что в этом замешен его сын Ко-

стас, прозванный за вспыльчивый нрав и любовь к дракам Кокорасом(петухом).

– На чём же основываются эти подозрения, кир Калоподий? – спросил Зенон.

– Вчера был убит молодой патрикий Дасий по прозвищу Таврос и несколько его товарищей.

– Это тот стасиот, что убил жену Аврикия?

– Не убил! Госпожа Каллистра сама покончила жизнь самоубийством.

– Что же ей надо было отдаться в руки этих негодяев? Что бы они над ней надругались на глазах у мужа?

– Почему надругаться? И, к тому же, истинная христианка со смирением принимает всё то, что выпадает на её долю. И невольный грех тоже. А так как она воспротивилась этому, то это и доказало, что она тайная язычница, как и её муж.

– Нет! Она была христианка. Правда, из семьи монофизитов. Но и наша несравненная василиса Феодора благоволит монофизитам. А трижды августейший Юстиниан желает объединить ортодоксальную и монофизитскую церковь. Не хочешь ли ты этому воспрепятствовать, спафарий?

– Я не хочу никому и ничего воспрепятствовать, тем более нашему августейшему василевсу. А вот ты, кир Зенон, хочешь воспрепятствовать правосудию. Мы пришли взять под стражу твоего сына Костаса. Он подозревается в убийстве кира Дасия и его товарищей.

– Увы, мой дорогой кир Калоподий, это не возможно. Он

выполняет одно моё поручение, довольно таки далеко отсюда. Я деловой человек, я владею множеством торговых судов и под моим началом, много и людей, а это значить, что всегда где-то что-то происходит. А кому я могу доверять как самому себе? Только сыну.

– Хорошо, мы удалимся. Но и ты, кир Зенон, заплатишься за укрывательство преступника!

– Что мой сын преступник – ещё надо доказать!

– Ты сомневаешься в торжестве нашего правосудия?

– Ни в коем случаи.

Зенон сына звать не стал: виноват он или нет в убийстве Дасия, никакого значения не имело. Если префект решил, что виновен, обратное доказать будет не возможно. Если только император заступиться, но Юстиниан покровительствует венецам. И из родного государства не убежишь, хотя империя и большая, но всё равно найдут рано или поздно. Да и дело – как бросишь? А в чужом государстве ты чужой и тебя могут обобрать до нитки.

Но надо было что-то делать. И делать как можно быстрее. После некоторых размышлений он решил собрать у себя димархов – старшин прасинов.

Старшины не замедлили собраться. Изложив им суть дела, Зенон испросил у них совета.

– Все под Богом ходим, – вздохнув начал говорить патрикий Макарий, владелец ювелирных мастерских, самый старый из присутствующих. – Правосудия нет! Стасиоты вене-

дов делают что хотят, а суды их покрывают.

– И покрывают во всём! – сказал Евсевий, аргиропрат. – Вот в прошлом году сенатор Марсалий взял у меня деньги в долг. Кстати проценты василевс указал брать маленькие. Если раньше мы брали двадцать процентов, то теперь только двенадцать. Так вот, этот Марсалий построил на мои деньги дом, переписал его на жену и теперь утверждает, что денег у меня не брал. А в суде надо мной посмеялись, так как договор был устный. А как его было сделать письменным? Марсалий утверждал, что он благородный патриций и ведёт свой род чуть ли не с основания Рима и его слово ценней всяких там договоров на пергаменте или папирусе. Теперь у меня есть слово патриция, но нет денег.

– Разве в деньгах дело, Евсевий? – возразил Макарий. – Нас убивают! В одном только Зевгме двадцать пять убийств.

– Двадцать шесть, – возразил Галасий, владелец ткацких мастерских, – Фалалея, торговца дровами, вчера убили.

– Вот! – продолжил Макарий. – А сына Эпагата, двенадцать лет парнишке было, насильовали до тех пор, пока он не умер. Надо жаловаться василевсу, а иначе нас всех вырежут. Старшины зашумели, соглашаясь.

– И кто будет разговаривать с августейшим? – хмуро спросил Зенон.

– Ты! Ты, Зенон, судовладелец. У тебя льготы. Если ты перестанешь подвозить зерно в Город, то вспыхнет бунт. Тебя не тронут. Жалобу напишем вместе и пойдём с тобою, но

говорить будешь ты.

– Эдикт Константина, – сказал Пахомий, он был успешным юристом, – по аккламациям гласит: «Мы предоставляем всем возможность прославлять в общественных местах наиболее справедливых и усердных правителей, с тем, чтобы мы могли соответствующим образом вознаградить их, и, напротив, предоставляем право обвинять несправедливых и негодных правителей путем возглашения жалоб, с тем, чтобы сила нашего контроля воздействовала на них, ибо, если эти восклицания действительно отражают истину, а не являются инспирированными возгласами клиентов, мы тщательно будем расследовать их, причем префекты претория и комиты должны доводить таковые до нашего сведения». Наш император сам юрист и, надеюсь, знает этот эдикт и должен следовать ему. Если можно выкрикивать, то можно и сказать.

Зенон согласился, и димархи до глубокой ночи составляли жалобу.

После того как Калоподий покинул дом Зенона, Элпис сказала Костасу:

– Зря вы напали на этого Дасия. Как бы хуже не было.

– Не будет, моя хорошая, не бойся, – сказал Костас. – За твою мать и отца отомстить надо было.

Костас – девятнадцатилетний крепыш, черноглазый, гладко выбритый, с короткой стрижкой чёрных жёстких волос –

смотрел серьёзно и спокойно на свою невесту.

Она доверчиво прижалась к нему и произнесла:

– Что-то мне как-то тревожно.

– Всё будет хорошо, – ответил он, ласково глядя её по чёрным волнистым волосам. – Господь нам поможет.

– Ты не всё знаешь, Костас.

– Что я не знаю?

– За несколько дней до смерти мамы, – тут Элпис всхлинула и из её глаз покатались слёзы, но она справилась с собой и продолжала:

– Меня приходил сватать Калоподий. Он хотел, что бы меня отдали за его сына Ликариона. Отец отказал потому, что я засватана за тебя. Уходя, Калоподий сказал, что отец ещё пожалеет.

– Думаешь, Дасий не случайно напал на твоих родителей?

– Думаю – нет.

– Ну, вот! А ты его жалеешь.

– Я его не жалею. Мне страшно за тебя.

– За меня бояться не надо. Только для них уже поздно: твоё приданное записано за василевсом.

– Василевс взял, василевс может и вернуть! Пусть даже половину! Всё равно это много.

– Но ты не единственная наследница.

– Единственная. Братья уже бесправны!

– Возможно, ты права. Я поговорю с отцом по этому поводу. Может быть, что-нибудь придумаем.

В воскресенье 11 января 532 года на ипподроме всё было почти как обычно: люди следили за скачками, делали ставки. И только на трибунах зелёных царила тишина, чувствовалось напряжение, тревога и некоторое волнение, все знали, что должно произойти.

И вот димархи прасинов встали со своих мест и направились к ложу василевса. Впереди шёл Зенон Ситос.

Со своих мест венеты заметили шествие прасинов.

– Что бы это значило? – спросил, не к кому не обращаясь, сенатор Ориген, мужчина около пятидесяти лет, лысый, только на висках и на затылки виднелись седые волосы. Происходил он из старой римской знати. Его предки перебрались во Второй Рим два или три века назад. Он сидел на трибуне с сыном Проклом, парнем лет восемнадцати, в окружении других сенаторов-венетов.

– Жаловаться идут, – сказал сидящий рядом с Оригеном сенатор Фотий.

– Да, довели прасинов до отчаянья.

– Хорошо, что их, а не нас, Ориген.

– Рано или поздно и до нас доберутся, – возразил Ориген.

– Не дай Бог, – Фотий перекрестился.

– Автократор считает, что мы созданы только для того,

что бы платить налоги. А налоги брать они умеют и новые придумывают с дьявольской изобретательностью. Вон Каппадокиец, что придумал? Новый налог – аэрикон – цинично окрестив его «деньги из воздуха». Он померил расстояния между домами и с одних берёт налог за то, что дома стоят слишком близко друг к другу, а с других, что слишком далеко. А дома-то не передвинешь!

– Ты прав, Ориген, – сказал Фотий. – А налог диаграфи? Его по древнему обычаю ввели только в чрезвычайных ситуациях. А теперь – каждые полгода.

– Да-да, – согласился Ориген. – А прасинов просто откровенно грабят.

– Потому что они ещё и еретики-монофизиты, – сказал сенатор Авраамий, – не все, но большинство, а мы, венеты, как и нас августейший василевс, православные.

– Зато василиса Феодора благоволит монофизитам, – сказал Фотий. – Вон их сколько в Город понаехало! Целый дворец Гормизды им отдали.

– Может быть и правильно, что благоволит. Во-первых, они её, как говорят, когда-то выручили. Как, кстати, и мы, венеты. А во-вторых, разница между православными и монофизитами не велика. Они во всём православные, кроме одного. Они считают, что в Христе есть только одна природа – божественная. И нет человеческой. И что? Мы тоже считаем его Богом!

– Нет, кир Ориген. Если в Нём нет человеческого, значить

он не мучился на кресте и не искупил грехи человеческие. Тяжело умирать, не зная, что воскреснешь! А мы все воскреснем!

– Хорошо Богу было умирать, зная, что через три дня воскреснет – сказал Прокл.

Аврамий посмотрел на парня осуждающе, а Ориген сказал:

– Это богохульство, сын.

– Да я ничего, – пожал плечами Прокл. – Я так.

– В прошлом году наш василевс, – продолжил Ориген, обращаясь к Аврамию, – пригласил в Город монофизитских епископов, Фотий правильно говорит, целый дворец заняли, который, кстати, принадлежит Феодоре. Так ли он поддерживает православных?

– Поддерживает, – твёрдо сказал Аврамий.

– Поддерживают, – сказал Фотий. – Юстиниан поддерживает православных, а Феодора – монофизитов. Ортодоксы идут с жалобами к василевсу, а монофизиты жалуются василевсу, а выгоду получают оба супруга. Это как если бы твоя супруга от какого-то бездетного дядюшки получила бы землю. И тебе бы с этого тоже была бы выгода, Ориген.

– Так же как и наоборот, – согласился Ориген. – Но с другой стороны, монофизиты выручили Феодору в Александрии. Она им просто благодарна. Память у неё хорошая. А наш василевс к ней прислушивается.

– Ещё, какая хорошая память, – сказал Фотий и перешёл

на шёпот – Вы знаете, когда наша василиса ещё не была василисой, а торговала своим телом и выступала в театре, многие ею пользовались. Но сейчас вы не найдёте ни одного, кто мог бы этим похвастаться.

– Так не мудрено. Больше пятнадцати лет прошло с тех пор.

– Меньше, – сказал Фотий, – но не в этом дело. Она их всех!

И он показал характерный жест.

– Наказание по грехам, – назидательно сказал Ориген, – не надо было ходить в такой театр и глазеть на обнажённое женское тело. Сидели бы дома около жены и смотрели бы не её тело, если заняться больше нечем. Тем более что сейчас Феодора ведёт себя целомудренно.

Ориген посмотрел на своего сына Прокла и добавил:

– Вот сын, не грехи смолоду, что бы в старости не каяться. А то вот не брешься, хвост отпустил...

– Все так ходят, отец, – ответил юноша.

Тем временем прасины поднялись по лестнице к воротам. По обычаю, сам василевс не разговаривал с народом. Его устами был специальный человек – мандатор. И просители к нему обращались как к самому императору. Мандатор доложил, кто стоит перед императорской ложей.

Прасины выстроились цепочкой, что бы передавать разговор с василевсом на трибуны.

Зенон, подняв вверх голову, начал:

– Многие лета, Юстиниан-август, да будешь ты всегда победоносным! Меня обижают, о, лучший из правителей! И видит Бог – нет сил терпеть. Я боюсь назвать обидчика, ибо он венет, а я – прасин, а суды все на стороне венетов.

– Кто он? Я не знаю его, – устами мандатора ответили из императорской ложи.

– Моего обидчика, трижды августейший, можно найти в квартале сапожников.

– Вас никто не обижает!

В ложе императора находились ещё и его приближённые, и говорить мог кто угодно, а мандатор обязан был повторять всё, что слышал, поэтому отвечал он иногда невпопад.

– Он один-единственный, кто обижает меня. О, Богородица, ты единственная заступница моя!

– Кто он такой? Мы не знаем.

– Ты, и только ты знаешь, трижды августейший, кто притесняет меня! Кто желает зла мне и дому моему!

– Если кто и есть, то мы не знаем кто.

– Спафарий Калоподий притесняет меня, о, всемогущий, – выдохнул Зенон.

– Какое отношение имеет к тебе Калоподий?

– Кто бы он ни был – его постигнет участь Иуды! Бог покарает его, притесняющего меня! – в голосе Зенона послышалась угроза не только Калоподию.

И это поняли в ложе василевса:

– Вы приходите не смотреть скачки, а грубить архонтам!

– Тех, кто притесняет нас, – как заклинание повторил Зенон, – постигнет участь Иуды!

– Замолчите! Вы – иудеи, манихеи, самаритяне!

– Ты называешь нас иудеями и самаритянами? О, Богородица! Смилуйся над нами!

– Вы изобличаете себя как еретики!

– Кто не говорит, что истинно верует, владыка, проклятье тому, как Иуде!

– Вы окрещены в единосущного Бога!

Старшины прасинов с возгласом: «Я крещусь во единого!» стали дерзко осенять себя крестным знамением одним указательным пальцем, указывая тем самым на единосущность Бога, а не двумя перстами, как православные, указывая на двуединую сущность Христа. Трибуны повторили действия своих старшин.

– Если вы не успокоитесь, я прикажу обезглавить вас! – грозно вскричал, подражая голосу за спиной, мандатор.

Зенон смело глядя снизу вверх в запертую дверь, как в глаза императора, твёрдо произнёс:

– Каждый домогается власти, чтобы обеспечить себе безопасность! Если же мы, испытывающие гнёт, что-либо и скажем тебе, пусть твоё величество не гневается. Терпение – божий удел! Мы же, обладая даром речи, скажем тебе сейчас всё. Мы, прасины, трижды августейший, не знаем где дворец и как управляется государство.

Зенон намекал на то, что прасинов не допускают к власти.

– В городе мы появляемся только сидя на осле!

На осле по городу провозят преступников.

– О если бы это было не так, трижды августейший! – громко закончил Зенон.

Но в императорской ложе намёков не поняли или не захотели понять и мандатор ответил опять невпопад:

– Каждый свободен заниматься делами, где хочет.

– И я верю в свободу, – гордо сказал Зенон, – но мне не позволено ею пользоваться!

Старшины прасинов и трибуны одобрительно загудели.

– Будь человек свободным, – продолжил Зенон, – но, если есть подозрения, что он прасин, его тотчас подвергают наказанию!

– Вы не боитесь за свои души, висельники!

Зенон с отчаяньем понял, что сына ему спасти не удастся и, преодолевая душевную боль, он с горечью продолжил:

– Где здесь не правда? Запрети наш цвет и правосудию нечего будет делать! Позволяй убивать и попустительствуй преступлениям! Скажи – за что мы наказаны? Ты – источник жизни, карай, сколько пожелаешь! Воистину такого противоречия не выносит человеческая природа! Лучше бы не родился твой отец Савватий, он не породил бы сына-убийцу. Двадцать шестое убийство совершилось в регионе Земвге! Утром человек был на ристалище, а вечером его убили, владыка!

На трибунах прасинов поднимался зловещий грозный гул.

К воротам кафизмы подошли димархи венетов.

– На всём ристалище только среди вас есть убийцы! – взвизгнул старшина венетов Марсалий.

Трибуны прасинов возмущённо зароптали, а с трибун венетов слышались одобрительные возгласы.

– Ты убиваешь, а затем скрываешься, – толи к василевсу, толи к Марсалию обратился Зенон.

– Это ты убиваешь и устраиваешь беспорядки! – заходился в визге Марсалий. – На всём ристалище только среди вас есть убийцы!

– О-о-о! – возмущённо ответили трибуны прасинов.

– Это истина! – закричали с трибун венеты. – Нас тоже убивают!

– Владыка Юстиниан! Они кричат, но никто их не убивал – продолжил Зенон.

– Ложь! – кричали с трибун венеты.

– И не желающий знать – знает! – настаивал, повысив голос, Зенон. – Торговца дровами в Зевгме кто убил?

– Вы его убили! – ответил мандатор. Кафизма явно перешла на сторону венетов.

– Сына Эпагата кто убил, автократор?

– И его вы убили, а теперь клевете на венетов, – ответила кафизма устами мандатора.

Прасины на трибунах взвыли, слышалась яростная ругань.

Зенон в растерянности не знал, что ответить на такую яв-

ную ложь, но собрался и громко сказал:

– Господи, помилуй нас грешных! Свободу притесняют! Хочу спросить тех, кто говорит, что всем правит бог: откуда такая несправедливость?

– Бог не ведает зла, – снова невпопад сказал мандатор.

– Бог не ведает зла? – удивлённо-радостно воскликнул Зенон. – А кто тот, кто причиняет мне зло? Философ или монах пусть разъяснит мне!

– Клеветники и богохульники, когда же вы замолчите? – разразилась гневом кафизма.

Зенон поклонился закрытым дверям, но в его поклоне не было почтения, а, скорее, шутовство:

– Чтобы почтить твоё величество, молчу, хотя и против желания, трижды августейший, – в голосе его послышалась злоба. – Всё, всё знаю, но умолкаю. Спасайся, правосудие, тебе здесь нечего делать! Перейду в другую веру и стану иудеем! Видит Бог, лучше быть язычником-эллином, чем ортодоксальным венетом!

– Это зависть к нам! – кричали венеты.

– Было бы чему завидовать! – отвечали прасины. – Нищоброды, лентяи, кровососы! Будь прокляты зрители, что здесь останутся!

Прасины с руганью и великим шумом двинулись к выходу, покидая ипподром и тем самым нанося оскорбление своему василевсу.

3

В ложе василевса царила тишина и растерянность. Кроме василевса в ложе находились его жена Феодора, его советник по налогам и префект Востока Иоанн Каппадокиец, полководец Велизарий с женой Антониной, близкой подругой Феодоры и главный казначей Нарсес. И, естественно, слуги, служанки и сотня Иоанна Армянина – личная гвардия василевса.

Юстиниану сорок восемь лет, небольшого роста, склонный к полноте, имел римский профиль, то есть нос с горбинкой, что считалось красивым и благородным, с большими залысинами на лбу, в светлых волосах была мало заметна седина, усы скрывали шрам на верхней губе, полученный в молодости.

Слева от трона василевса расположилась его жена – красавица Феодора. Ей тридцать два года, небольшого роста, она обладает правильными греческими чертами лица, смуглой матовой кожей, матовыми чёрными волосами, строгим взглядом карих глаз. Занятия акробатикой в юности не прошли даром: под тонкой нежной кожей скрывались стальные мышцы, а в её мягких и плавных движениях угадывалась сила. На голове платок. Он подвязан так, чтобы в волосах была видна тонкая изящная золотая диадема. Поверх платка, как и

положено замужней женщине, был одет мафорий – накидка из дорогого китайского шёлка – пурпурного цвета с золотой каймой и золотыми звёздами по полю. Мафорий спереди перекрещивался и завязывался сзади, а нижний край доставал почти до земли. На Феодоре четыре туники разного цвета и разной длины с длинными рукавами, одеты так, чтобы было видно, что их именно четыре.

Молодой главнокомандующий империи полководец Флавий Велизарий, стройный высокий блондин, длинноносый, голубоглазый, в нём чувствовалась кровь северных варваров, невзирая на чисто римское имя.

Его жена Антонина на два года старше, пухленькая, белолицая, русоволосая и кареглазая. Она одета почти так же, как и василиса, только на ней три туники и мафорий голубого цвета, цвета Богородицы, но с золотой каймой и звёздами. Всё чуть скромней и диадемы не было. Императрица не любила, что бы кто-то в чём-то был лучше её. Подруга подругой, но Феодора дама мстительная. Дочь наездника константинопольского ипподрома, Антонина была склонна к риску и всяческим авантюрам.

Иоанн Каппадокиец черноволосый, поросший волосами по телу, с тяжёлым взглядом тёмных глаз, производил впечатление человека не далёкого. Но это было не так. Ум у него был, как и у василевса – хитрый и изворотливый. Но не оратор. Он лучше писал, чем говорил.

Главный казначей Юстиниана пятидесяти четырёхлетний

евнух Нарсес, худощавый армянин с грустными умными глазами, одет был более чем скромно. Ему ничего не надо было. Отроком, попав в рабство, был оскоплён. За эти годы он своим умом, сам того нехотя, достиг самых высших высот при дворе, которых только может достичь евнух.

Затянувшуюся паузу нарушила Феодора:

– Какой вздор вы наговорили прасинам, друзья мои, – августа обвела присутствующих холодным взглядом. – Они пришли кроткими и смиренными, с низжайше и вполне справедливой просьбой, а ушли злые и готовые к бунту! Почему ты, августейший муж мой, не проронил ни слова в этом разговоре с прасинами?

– Негоже василевсу пререкаться с подданными.

– Тебя всё равно никто не видел.

– Не важно, – ответил Юстиниан, теребя лорум, тонкий длинный шёлковый шарф, обмотанный вокруг тела поверх одежды и украшенный золотом и драгоценными камнями, один из знаков императорской власти.

– Хорошо, цезарь мой, пусть будет так, – согласилась Феодора. – Теперь, я думаю, надо схватить этих старшин прасинов.

– Зачем? – удивился василевс. – Что они нарушили? Разговаривать с императором священное право жителей империи. За что их наказывать?

– Кто говорит: «Наказывать»? Посадить в тюрьму дней на десять. Пусть остынут. А потом выпустить, можно даже на-

градить.

– Удивительные вещи ты говоришь, жена. Зачем всё это?

– Что бы избежать не нужной крови. Назревает бунт! Его лучше сразу пресечь!

– Законы они не нарушали и сажать их не за что.

– Пока – да. Но если они взбунтуются, то будет за что. Ты сейчас разбираешься с «римским правом», копаешься в этих пергаментях. Так?

– Так. Надо навести порядок в судебной системе и вообще в законах. Тем более что это мне легко сделать: латынь мой родной язык.

– Так может, ты найдёшь какой-нибудь закон о предотвращении беспорядков? А Капподакиец тебе любезно поможет. Так, Янис.

– Если светлейший прикажет, – пробасил Иоанн Каппадокиец.

– А обвинять в убийстве прасинов прасинов же и обзывать их висельниками приказа не требовалось! А зачем ты, Флавий, грозился отрубить им головы? Прославленному войну такими словами бросаться нельзя.

– Моя любимая августа, – примирительно, но твёрдо сказал Юстиниан, – возможно, ты в чём-то и права. Но закона, о котором ты спрашиваешь, не существует. Согласно «римскому праву»: никого нельзя судить за намерения! И с этим я полностью согласен. Но я прикажу префекту Евдемону более тщательно и беспристрастно разбирать дела как праси-

нов, так и венетов. Правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право.

– Мы должны исходить из государственной необходимости, автократор.

– Нет, августа, мы должны руководствоваться верховенством закона.

– Это надо было делать раньше, цезарь, а не обвинять во всём прасинов и не отнимать у них имущество исходя из государственной необходимости.

– Разве было что-то не по закону? По закону ли мы действовали, Янис? – спросил Юстиниан Иоанна Каппадокийца.

– Мы действовали строго по закону, автократор – с почтением ответил Капподакиец.

– Вот! Мы всегда действуем по закону, моя дорогая.

– Если действуя по закону, удастся избежать крови, я буду только рада.

В тот день, после окончания скачек начались ожесточённые драки между венетами и прасинами. Префект города Евдемон, получив указ беспристрастно разбирать дела, как венетов, так и прасинов, приказал страже пресекать драки и доставлять нарушителей порядка в преторию не разбирая к какому диму принадлежит человек. Спафарии, в том числе и Колоподий, разошлись со своими отрядами по Городу.

В доме Зенона, ближе к вечеру, Костас поведал отцу о вчерашнем разговоре с Элпис.

Зенон задумался:

– Что ж, всё может быть, – сказал он. – Времена настали, прости Господи, всё продаётся, всё покупается. Да, Калоподий мог договориться с Янисом Каппадокийцем, о возврате дочери Аврикия части имущества, как православной христианке. Каппадокиец найдёт какой-нибудь закон. И это имущество перейдёт Калоподию в качестве приданного, если его сын на ней женится. А Каппадокиец получить денег в качестве подарка от Калоподия.

– И что же нам делать?

– Молиться. Господь милостив.

– А кроме молитвы.

– Можно бы было предложить ему отступного. Дать ему торговое судно или даже три.

– И что он с ними будет делать?

– Богатеть, – пожал плечами Зенон.

– Что он в этом понимает мореходстве?

– А что он понимает в хлебопекарне или в оптовой торговле мукой? Погубит всё дело. Уметь грабить и уметь торговать не одно и то же. А Калоподий не умеет ни того ни другого. Кто такой спафарий? Начальник над стражниками. Что они умеют? Людей хватать по приказу префекта, да у дверей стоять. Должность не прибыльная. Но взятки они вымогать умеют. Ну и прочие дела прокручивать. Деньги, конеч-

но, скапливаются, старость прожить можно, если сын поможет. Только вот, сын ростом не вышел. Не берут его в охрану. Что ж опять горшками торговать, как дед Калоподия? И дочерей замуж выдавать надо. Вот и крутятся спафарий.

Костас не успел ответить, как на улице послышался шум и раздался громкий голос:

– Ей, Кокорас, выходи! Надо отвечать за свои деяния! Дружеская встреча на ножах! Что может быть прекрасней!

Перед домом стоял Прокл сын Оригена и пятеро его друзей.

– Извини, отец – сказал Костас, схватил плащ и выскочил на улицу.

– Каких деяний? Что ты несёшь, Алогос? – Костас назвал Прокла уличной кличкой.

– А кто убил Тавроса?

– Откуда мне знать?

– Ты!

– Я? Да ты пьян, Алогос!

– Это все знают!

– Все знают, но никто не видел, – рассмеялся Костас.

На порог дома вышли Зенон, его жена Агапэ и Элпис.

– Господь всё видит и всё знает! – возразил Прокл.

– Знает, но ничего не скажет!

– Скажет! Мой кинжал будет его словом. Вначале было слово, и слово было Бог, и Бог был слово!

– Не будем терять времени, Алогос.

Юноши выхватили кинжалы и намотали плащи на левые руки. Причём у прасина плащ был синий, а у венета – зелёный. Только на сапогах под коленями на них были правильные повязки: у одного зелёные, у другого синие. Они закружились друг напротив друга, выискивая момент для удара.

– Только без крика и визга, – предупредил Зенон женщин, – это может навредить ему.

Юноши делали ложные броски, отскакивали назад, вперёд, в стороны, надеясь, что противник ошибётся и ему можно будет нанести смертельный удар.

Но случилось самое страшное: появился спафарий Калоподий.

– Молодые люди, – сказал он, – кинжалы на землю. Будете сопротивляться – применим мечи.

И воины спафария обнажили мечи. Агапэ и Элпис застыли от ужаса.

– Спафарий ... – начал, было, Зенон.

Калоподий отрицательно покачал головой:

– Бесплезно, кир Зенон. Это приказ префекта Евдемона, а ему приказал сам василевс! Ничего сделать нельзя. Молись!

– Но можно взять других!

– Нельзя, – сказал Калоподий и отвернулся от Зенона.

Забрали всех: и Костаса, и Прокла, и друзей Прокла. Зенон послал рабов проследить за судьбой задержанных спафарием.

Утром рабы доложили, что друзей Прокла отпустили.

Префект города Евдемон выполнил приказ василевса на совесть и даже больше, то есть проявил полную объективность по расследованию беспорядков в городе. Он опросил свидетелей, ночью организовал суд, который вынес справедливый смертный приговор, как говорили, виновных в убийствах. Приговор вынесли двум зелёным, двум синим, одному красному и одному белому, а так же для счастливого числа – семь – добавил одного раба-гунна за то, что у него причёска такая же, как и у стасиотов-венетов и хозяин его к тому же небыл неизвестен, а пристраивать его куда-то надо было. Четырёх из них суд присудил к отсечению головы, а трём – Костасу, Проклу и рабу-гунну – к повешению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.